

Снова раздался тот же смех, и на этот раз Ло Инбай окончательно разозлился, громко крикнув:

— Говори быстрее! Ты смеешься, как сова, разве тебе кажется, что это приятно?

Его слова повисли в воздухе, и голос на мгновение замолчал, затем мягко и нежно произнес:

— Я всего лишь центр массива, делаю то, что должен, и смеюсь над глупостями. Зачем ты так злишься? Я ведь... не над тобой смеюсь.

Ло Инбай ответил:

— Над ним тоже нельзя. Что ты хочешь, говори быстрее!

Его тон звучал раздражённо, но Нити Кровавой Страсти в его руках тихо протянулись наружу, осторожно исследуя окружение.

Центр Великого массива Дацзянун, казалось, вздохнул:

— У тебя такой мягкий вид, что невозможно не полюбить, но характер у тебя грубый. Жаль.

Ло Инбай усмехнулся:

— Хватит строить из себя призрака, я тебя не боюсь. Если можешь, действуй.

Центр массива мягко произнес:

— А знаешь ли ты, почему ты меня не боишься, и почему твой младший брат боится?

Ло Инбай замер, но Ся Сяньнин резко крикнул:

— Если ты запер меня здесь, зачем болтать с другими?

Его слова прозвучали грозно, и болтливый центр массива, кажется, испугался, на мгновение замолчав, а затем покорно ответил Ся Сяньнину:

— Молодой господин, ты попал в массив. Тебе нужно ответить на три моих вопроса. За каждый ответ ты получишь десять минут жизни, за отказ — смерть.

Она засмеялась:

— Столько массивов не смогли удержать тебя, а сегодня ты попался мне. Это действительно льстит. Видно, что любовь обманывает, а влюблённые страдают.

Эта маленькая бестия говорила сладким голосом, что обычно привлекало Ло Инбая, и если бы он оказался в этой ситуации, возможно, даже пошутил бы с ней. Но у добрых людей есть

слабые места, и если кто-то осмеливается тронуть его дорогого младшего брата, у него просто не остаётся настроения для шуток.

Видя, что она продолжает болтать, Ло Инбай нахмурился, с трудом сдерживая желание снова накричать, и только тихо фыркнул.

В отличие от него, жертва, Ся Сяньнин, был гораздо спокойнее. Увидев, что Ло Инбай редко выглядит таким мрачным, он понял, что тот действительно беспокоится о нём, и в этой ситуации даже почувствовал сладость в сердце. Однако это вызвало реакцию массива, и кровь снова подступила к горлу. Ся Сяньнин, боясь, что Ло Инбай будет волноваться, с трудом сглотнул.

Он резко прервал смех центра массива, холодно сказав:

— Спрашивай.

— Хорошо, тогда я спрошу.

Центр массива мягко произнёс:

— Когда-то великий монах сказал: «Тело подобно дереву бодхи, сердце — зеркалу. Каждый день очищай его, чтобы не накопить пыль». Скажи мне, молодой господин, если нет пыли, зачем очищать? А если есть пыль... если сердце подобно зеркалу, как оно может привлечь мирскую пыль?

Ся Сяньнин замер, и взгляды всех присутствующих устремились на него.

Этот вопрос был не обычным и не шуточным. Он был задан именно Ся Сяньнину, и его смысл заключался в том, чтобы узнать, есть ли в его сердце кто-то.

Попад в ловушку, он не мог лгать, только отвечать или молчать.

Ло Инбай, используя время, чтобы найти слабость в массиве, также невольно отвлёкся, взглянув в его сторону. Он вспомнил своё гадание и хотел услышать ответ Ся Сяньнина.

Большинство присутствующих были знатоками, и хотя они понимали, что сам факт попадания Ся Сяньнина в массив Дацзянун уже говорил о том, что он влюблён, его ответ всё равно заставил всех насторожиться.

Наконец, Ся Сяньнин медленно произнёс:

— Потому что... в зеркале уже есть тот, кто смотрит на своё отражение.

Следующий вопрос последовал сразу:

— Кто смотрит в зеркало?

Ся Сяньнин задумался на мгновение, затем быстро ответил:

— Тот, кто мне дорог.

Два вопроса следовали один за другим, почти не оставляя времени на размышление. Первый ответ Ся Сяньнина уже был признанием, что в его сердце есть кто-то, и это удивило всех, кроме Ло Инбая.

Однако его второй ответ был почти бессмысленным.

Ся Сяньнин ещё не понимал полностью законов массива Дацзянгун, и такой ответ был своего рода проверкой. Однако после этого он вдруг почувствовал странный аромат, наполнивший воздух.

Женский голос, мягкий и медленный, словно ударял в его сердце:

— Если ты хитришь, это не считается. Кто тот, кто тебе дорог? Ты даже его имя не осмеливаешься назвать?

Ся Сяньнин почувствовал зуд в горле и снова захотел кашлять кровью, но в его сердце внезапно поднялась волна эмоций, которую он не мог сдержать.

Он смутно чувствовал, что его товарищи зовут его, но их голоса становились всё дальше, и всё внешнее словно отступило, оставив лишь хаос мыслей. Ся Сяньнин закрыл глаза, пытаясь, как обычно, подавить эти эмоции, но это только сделало его внутренний мир ещё более ясным.

Реальное и иллюзорное, прошлое и будущее, здесь и там... все эти воспоминания, настоящие и ложные, переплелись, и единственное, что он мог ясно понять, было то, что его сердце и мысли были полны Ло Инбая... только Ло Инбая!

В детстве они вместе играли и смеялись, неразлучные; когда они выросли, произошли перемены, и старший брат получил тяжелые ранения. В те дни, когда Ло Инбай лежал без сознания, Ся Сяньнин каждый день навещал его и без усталости искал правду, преследуя виновных.

— Это был первый раз в жизни Ся Сяньнина, когда он понял, что видеть, как страдает важный для него человек, в тысячу раз больнее, чем самому страдать. Это чувство он не забудет никогда.

Помимо неизгладимых воспоминаний, даже сны вмещались, и в гуще иллюзий, где аромат

цветов наполнял воздух, а розовый туман кружил, Ся Сяньнин даже не мог понять, бодрствует он или спит. Почему... снова появились те кошмарные сцены?

Нет, нет, нет, на этот раз он, кажется, мог видеть больше, чем в снах!

Гу разлуки, посаженная на руку, вынужденное одиночество, и смерть Ло Инбая, которая разбила его сердце.

Это точно не может быть правдой! У них было столько несказанных слов, столько не сделанных дел, они с детства были неразлучны... Ло Инбай точно не мог оставить его одного!

Ся Сяньнин выкрикнул:

— Ло Инбай!

Перед его словами другие товарищи уже пытались разрушить массив.

Великий массив Дацзянгун был сложным, но теоретически не слишком опасным. Когда Ся Сяньнин попал в него, все, включая Ло Инбая, хотя и волновались, но считали, что он скоро выберется, и массив не сможет ему навредить.

Но ситуация становилась всё страннее. Ся Сяньнин, держа длинный меч, стоял в массиве, выглядел холодным и спокойным, но капли пота стекали по его лицу, а рука, сжимающая меч, была напряжена до белизны в суставах, словно он сдерживал что-то.

Ло Инбай несколько раз позвал его, но Ся Сяньнин не отвечал. Он не мог понять, что происходит, и, разозлившись, перестал тестировать массив, быстро сложив руки, чтобы активировать заклинание Изначального Хаоса Тай-и, создав Великую печать Высшего Императорского Неба. В воздухе мгновенно появились облака, распространяющиеся, как пламя и море, ударившие по краю массива!

Когда он действительно действовал, никто не мог оставаться равнодушным. Женский голос впервые зазвучал с паникой, крикнув, стены вокруг задрожали, земля закружилась, и если бы Ло Инбай не боялся, что Ся Сяньнин пострадает, сила была бы гораздо больше.

Ло Инбай строго сказал:

— Я предупреждаю тебя, если ты тронешь моего младшего брата...

Он не успел закончить угрозу, как услышал, как Ся Сяньнин произнёс:

— Ло Инбай.

Ло Инбай быстро ответил:

— Да, это я. Сяньнин? Ты в порядке?

Ся Сяньнин не слышал его. В этот момент он был погружён в свои мысли, не ощущая внешнего мира, перед его глазами только цветы, расцветающие в крови, сверкающие в темноте, словно фонари.

Ему было чуть больше двадцати, но он уже прошёл через множество битв, несколько раз был на грани смерти, и ни разу не проиграл. Это был первый раз, когда он оказался в такой пассивной ситуации, и неудивительно, что окружающие были удивлены.

Но они... даже Ло Инбай не понимали, что это был не массив, который поглощал, а любовь, которая заставляла склонить голову.

<http://bllate.org/book/15511/1396195>